

Пожарище на Троицкой площади стало местом публичных казней в Петербурге прямо в тот августовский день 1710 г., когда сгорел Гостиный двор и некоторые норовили под шумок растащить пожитки купцов-погорельцев. Юль так описывает казнь троих мародеров на месте пожара: «Прежде всего без милосердия повесили крестьянина. Перед тем как лезть на лестницу (приставленную к виселице), он обернулся в сторону церкви и трижды перекрестился, сопровождая каждое знамение земным поклоном, потом три раза перекрестился, когда его сбрасывали с лестницы. Замечательно, что будучи сброшен с нее и вися [на воздухе], он еще раз осенил себя крестом, ибо здесь приговоренным при повешении рук не связывают. Затем он поднял [было] руку для нового крестного знамения [но] она [наконец, бессильно] упала». Другому казненному удалось перекреститься даже дважды.¹²⁶ Казнили здесь и позже. «По новгородскому делу

¹²² Овсянников Ю. М. Доминико Трезини. С. 211.

¹²³ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 1. Л. 2.

¹²⁴ Там же. Д. 32. Л. 62.

¹²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 7г. Л. 1066 об.; АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 81. Л. 131; ср.: Д. 79. Л. 493 и Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. С. 170.

¹²⁶ Юль Ю. Записки... С. 229—230.

Казнь подвешиванием за ребро и закапыванием в землю. С французской гравюры XVIII в.

роspoпе Игнатью, — читаем в журнале Тайной канцелярии 1724 г., — экзекуция учинена на площади против Гостиного двора — голова отсечена» (в другом случае указывалось: «Близ Гостиного двора у Троицы на въезде в Дворянскую слободу»¹²⁷).

Казнили и наказывали в Петербурге и в других местах. Одно уже упомянуто выше — Плясовая площадь в Петропавловской церкви, другое лобное место было перед зданием Двенадцати коллегий на Васильевском острове, казнили также и на пустыре «за кронверком» (на «Обжорке»). В выборе места для экзекуции в новой столице усматривается московская традиция. Известно, что в старой столице казнили в трех основных местах: во-первых, на торговой площади — Красной или «у Лоб-

ного места, на площади пред Спасских ворот», во-вторых, перед зданиями приказов в Кремле и, в-третьих, на пустыре у Москвы-реки, известном как «Козье болото» или просто «Болото». Здесь лишили жизни Разина, Пугачева и множество других преступников.

По-видимому, казнь на поганом пустыре, обычно заваленном разным «скарעדством», на пожарище, на грязной площади имела и символический, позорящий преступника оттенок — не случайно тело преступника оставляли на какое-то время среди падали и мусора и даже не отгоняли псов, которые рвались к окровавленным останкам.

В начале 1720-х гг. иностранцы, жившие в Петербурге, ездили компанией, как на развлечение, «в Русскую слободу смотреть князя Гагарина». Сибирского губернатора, попавшегося на воровстве и других злоупотреблениях, приговорили к смертной казни и повесили в марте 1721 г. перед окнами «Мазанковых коллегий» на Троицкой площади. Потом тело было перемещено, как пишет Берхгольд, на виселицу возле Биржи. Это, по-видимому, то самое место, где проводили и другие казни и где (тоже по словам Берхгольца) «на обширной площади стояло много шестов с воткнутыми на них головами, между которыми на особо устроенном эшафоте (думаю, что речь шла о каменных столбах. — Е. А.) виднелись головы брата вдовствующей царицы (Евдокии Лопухиной. — Е. А.) и еще четырех знатных господ»¹²⁸. Но из дневника Берхгольца за апрель 1724 г. видно,

¹²⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 4. Л. 33 об.—34.

¹²⁸ Берхгольд Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 71—72.

что столбы с головами казненных по делу царевича Алексея даже пять лет спустя еще стояли на прежнем месте и вдова Авраама Лопухина безуспешно просила Петра I, «чтобы голову ее мужа, взоткнутую в Петербурге на шест, позволено было снять». Только 10 июля 1727 г. родственник казненного император Петр II предписал, «чтоб на столбах головы здесь и в Москве снять и столбы разрушить, понеже рассуждается, что не надлежит быть в резиденции в городе таким столбам, но вне города».¹²⁹

Иностранцев, видевших русские казни, поражала покорность, с какой принимали свой удел приговоренные, которых выводили из крепости к месту экзекуции. Д. Перри писал: «Русские ни во что не ставят смерть и не боятся ее. Когда им приходится идти на казнь, они делают это совершенно безразлично. Я сам видел, как осужденные шли с цепями на ногах и с зажженными восковыми свечами в руках. Проходя мимо толпы народа, они кланялись и говорили: „Простите, братцы!“ и народ им отвечал тем же, прощаясь с ними, и так они клали головы свои на плахи и с твердым, спокойным лицом отдавали жизнь свою».

Датчанин Юль несколько раз видел смертные казни и писал почти так же: «Удивления достойно, с каким равнодушием относятся [русские] к смерти и как мало боятся ее. После того как [осужденному] прочтут приговор, он перекрестится, скажет „Прости“ окружающим и без [малейшей] печали бодро идет на [смерть] точно в ней нет ничего горького».¹³⁰ Его земляк Педер фон Хавен, посетивший Петербург четверть века спустя, сообщал, что в столице «и во всей России смертную казнь обставляют не так церемонно, как у нас или где-либо еще. Преступника обычно сопровождают к месту казни капрал с пятью-шестью солдатами, священник с двумя маленькими одетыми в белое мальчиками, несущими по кадилу, а также лишь несколько старых женщин и детей, желающих поглядеть на сие действо...

Как только пришедший с ними судебный чиновник зачитает приговор, священник осеняет осужденного крестом, осужденный сам тоже несколько раз крестится со словами „Господи, помилуй!“, и затем несчастный грешник предает себя в руки палача и так радостно идет навстречу смерти, словно бы на великий праздник. Палач, являющийся в сем действе главной персоной, часто исполняет свои обязанности очень неторопливо и жалостливо, как плохая кухонная девушка режет телянку.

Вообще же достойно величайшего удивления то, что, как говорят, никогда не слыхали и не видали, чтобы русский человек перед смертью обнаруживал тревогу и печаль. Это, без сомнения, отчасти объясняется их верой в земное предопределение и его неизбежность, а отчасти — твердым убеждением, что все русские обретут блаженство и, наконец, отчасти великими тягостями, в которых они живут в сем мире».¹³¹

¹²⁹ РИО. Т. 69. С. 43, 47.

¹³⁰ Юль Ю. Дневник... С. 230—231.

¹³¹ Хавен П. Путешествие в Россию // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 324.

Думаю, что иностранцы не очень сгустили краски, подчеркивая особую будничность казни. Простотой и именно будничностью веет от записи в журнале Тайной канцелярии от 24 января 1724 г.: «В 10-м часу по утру Его императорское величество изволил быть в Санкт-Питер-Бурхской крепости в церкви Петра и Павла во время обедни, где собраны были колодники по делам из Вышняго суда: бывшей обор-фискал Алексей Нестеров и протчие, приготовленные ко экзекуции, тамо же в церкви был для онаго же бывшей фискал Ефим Санин, и Его величество изволил ево, Санина, спрашивать о делах артиллерийских и потом указал ево, Санина, с протчими колодники вести ко экзекуции на площадь».

Как видим, в соборе царь спокойно разговаривал «о делах артиллерийских» с человеком, которого накануне приговорил к страшной смертной казни через колесование. А потом они, мирно беседуя об интересном для них предмете, пошли на Троицкую площадь. И уже у эшафота царь решил, что разговор с Саниным следует продолжить и «с Троицкой площади по указу Его императорского величества онго Санина велено послать под караул в прежнее место, понеже ему, Санину, того числа экзекуции не будет».¹³² Через некоторое время Санина все-таки казнили — видно, все темы для разговоров с царем были исчерпаны...